

Об обнадёживающих направлениях исследования предполагаемого древнего генетического родства туркменского, калмыцкого и корейского языков. (статья вторая)

Мурадгелди Соегов, Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан, msoyegov@gmail.com

Ключевые слова: алтайская языковая семья, фольклор и история народа, тюркские (туркменский) и монгольские (калмыцкий) группы языков и корейский язык

Key words: Altaic family of languages, folklore and history of the people, Turkic (Turkmen) and Mongol (Kalmyk) language groups and Korean

Настоящая статья завершает работу, состоящую из трех частей, в первой из которых (ранее опубликованной в журнале) были проанализированы тексты отдельных корейских и туркменских сказок с целью выявления присущих им общих сюжетов. Вторая и третья ее части посвящены сравнительному изучению исторического и лингвистического материала, относящегося к носителям калмыцкого и туркменского языков. Во всех трех частях работы преследуется единая цель – с позиций существующей теории алтайской языковой семьи освещать возможные новые аспекты и анализировать некоторые материалы, которые относятся к «далеким» друг от друга алтайским языкам, и не рассмотренные ранее всерьез не только специалистами-алтаистами, но и также «анти-алтаистами» для подтверждения или отрицания существующей теории. Данная, т.е. вторая статья охватывает оставшиеся две части работы.

II

Старший внук Чингисхана (Тэмуджин, Темучин, 1155 – 1227), основателя и великого хана огромной Монгольской империи (с 1206 г.), которая присоединила в себе многие страны Азии и Восточной Европы, Хан-Батый (Бату хан, 1208 – 1255) унаследовал в 1227 году от своего отца Джучи – старшего сына Чингисхана его улус (область), охватывающий Хорезм, Кавказ и земли к Западу от р. Иртыш. Данный улус (область) в последующем превратился в могущественное государство, которое вошло в историческую литературу под названием Алтын Орда (Золотая Орда) и оставило заметный след в истории многих современных народов. Среди туркменского народа Хан-Батый (Бату хан) был знаменит под именем Сёйюн хан (Söyün han), который является искаженной формой его имени (титула) Саин хан (Sayın han), характерной для живой туркменской речи.

Наряду с первым по хронологии Сёйюн ханом (Хан-Батыем, Бату ханом), туркменская народная память бережно хранит также вторую историческую личность по имени Сёйюн, которая соответствует более позднему правителю Султану Хусейну Байкару. От его арабского имени Хусейн путем сокращения также образовался народный Сёйюн, который наряду с Мыралы (Эмир Алишер Наваи, 1441–1501) является героем целого цикла остроумных туркменских исторических легенд и преданий под названием «Мыралы ве Солтансёйюн» (т.е. «Эмир Алишер Наваи и Султан Хусейн Байкара»). Современный ученый из Кембриджа Э. Дж. Бойл пытается доказать, что Саин хан – это не прижизненный, а посмертный титул Бату хана [Бойл

2004]. Вопросу о Сёйюн хане (Саин хане) мы еще вернемся несколько позже. Хивинский хан и историк Абу-л-Гази Бахадур-хан (1603–1664), который вел свой род от Шейбана, сына Джучи, внука Чингисхана и был одним из образованнейших продолжателей династии Чингизидов в Средней Азии, пишет во введении следующие слова по поводу написания своего сочинения «Шеджере-и теракиме» («Родословное древо туркмен»): «...туркменские муллы, шейхи и беки прослышали, что я хорошо знаю историю; и вот однажды все они пришли (ко мне) и сказали: «У нас (в народе) есть много (разных списков) сказания об Огузе («Огузнаме»), но нет (ни одного) хорошего: все они (полны) ошибок и друг с другом не сходятся; каждый из них в своем роде». И когда они высказали просьбу: «Было бы хорошо, если бы была одна правильная, достойная доверия история», я уважал их просьбу... Этой книге мы давали название «Родословное древо туркмен»... Теперь мы поведем речь со (всеми) подробностями, (начиная) с Адама и до сего времени, т.е. до тысяча семьдесят первого года (1660 – 1661 г.н.э. – М.С.), о том, что мы знаем о туркменах и об илях, которые присоединялись к туркменам и которые впоследствии носили имя туркмен» [Кононов 1958: 35–37]. Из этого явствует, что сочинение Абу-л-Гази является одним из «Огузнаме», существующих среди народа с давних времен, как в устной, так и в письменной форме. Абу-л-Гази Бахадур-хан в своем «Родословном древе туркмен», следуя давно установившейся народной традиции, Хан-Батгья (Бату хана) именуется Саин ханом и, называя монголов моголами (муголами?), следующим образом описывает захват Чингисханом и его сыновьями Хорезма, а также ведет речь о некоторых последующих событиях, связанных с историей монголов (калмыков):

«Когда Чингиз-хан пошел [войною] на Иран и Туран, государем этих стран был Султан Мухаммед-хорезмшах. Столицей его был Ургенч. Не будучи в состоянии сразиться с Чингиз-ханом, он бежал и направился в Мазандеран. Чингиз-хан, захватив Бухару, Самарканд и Ташкент, послал на Ирак, Гилян, Мазандеран, Азербайджан и Гюрджистан (Грузия) тридцать тысяч человек во главе с двумя своими беками по имени Джебе-нойон и Субеэтай-бахадур. Своего младшего сына Тули-хана он послал на Хорасан с пятьюдесятью тысячами человек. Своего старшего сына Джучи-хана, своего второго сына Чагатай-хана, своего третьего сына Угедей-хана, всех троих с восьмьюдесятью тысячами человек он послал на Ургенч, потому что он был столицей Султана Мухаммеда-хорезмшаха и местом, где жили нукеры и [хранилась] казна. [В то время] в Ургенче хорезмшаха не было. Султаны (сыновья хорезмшаха), укрывшись в городе, из-за мирских благ и ради своей веры, восемь месяцев сражались [с моголами]. На девятый месяц сыновья Чингиз-хана взяли город и предали жителей поголовному избиению.

Чагатай и Угедей повернули и направились к своему отцу в Термез, а Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков. Кыпчаки, обитавшие между Итилем и Тином, рассеялись на [все] четыре стороны. Большинство из них ушло в юрт Черкесов и Туманов. Джучи-хан, взяв в плен [всю], кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте. Из могольской [страны] он переселил сюда свою семью (ој) и все или, которые дал [ему] отец. Из каждого уруга узбеков были переселенцы в кыпчакский юрт.

Затем Джучи-хан умер; [его] юрт достался его сыну Саин-хану. Двадцать четыре человека из потомков Джучи-хана царствовали в этом юрте. В его [Саин-хана] время этот юрт называли Саин-хановым юртом. Потом этот юрт достался

Мангытам. Первым из них был Идукибий, из рода Ак-Мангыт, сын Кутлы-Кайалы. После этого [юрт этот] называли Мангытовым юртом.

В 1040 году (= 1630 – 1631 г. н. э.) с северной стороны, из иля калмыков, прибыло десять тысяч кибиток (öjlik) – имя их государя Орлок – и поселились в юрте мангытов. В настоящее время, в 1071 году (= 1660–1661 г. н. э.), в год мыши, этот юрт называется Калмыкским юртом» [Кононов 1958: 44 – 45].

Начнем с этнонима *калмык*, который сохранился в исторической памяти туркмен, особенно дашогузских, для обозначения собственно монголов, а этноним *могол* (*муго:л*) у туркмен устно и письменно использовался, очевидно, в отношении людей из многочисленной тюркоязычной части монгольской армии. Калмыком (*Galmyk*) туркмены называли иногда своих сыновей (туркменское личное имя), а *мугол* сохранился в этническом составе туркмен-оламов (потомки древних аланов) в виде *garamgo:l* (*gara+mugo:l* ‘черные или северные муголы/моголы’). Субэтнонимы с участием *могол* имеются также в составе некоторых других туркменских племён и родов. В известном историческом романе «Чингисхан» В. Яна правдиво рассказывается о сражениях туркмен против монгольских завоевателей за независимость Хорезма через созданные яркие и запоминающие художественные образы, как простых, рядовых героев, так и крупных военачальников (Султан Желаледдин и др.). Как известно, современные калмыки раньше назывались ойратами. Главный визирь и придворный историк монгольского государства Хулагуидов (Ильханидов) в Иране Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани (1247–1318), еврей по национальности, название второго раздела главы об огузах и туркменах (“Огузнаме”) своего четырехтомного труда “Сборник летописей” (“Джами’ ат-таварих”) начинает со словами: «Относительно тех тюркских племен, которых в настоящее время называют монголами...» и в этой же главе приводит, в частности, о племени ойрат ценные сведения, имеющие отношение к его ранней истории: «Юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье [Секиз-мурэн]... [Ойраты] всегда имели государя и вождя. Хотя во времена Чингиз-хана они оказали некоторое сопротивление [монголам], однако [скоро] прекрасно смирились и покорились, как [это] изложено в истории. Чингиз-хан поддерживал с ними связь – давал и брал девушек, и было у них [между собою] побратимство и свойство [анда-кудай]» [Рашид-ад-дин 1952: 118–119]. Далее средневековый автор подробно пишет о том, что кто на кого женился, у кого родился сколько сыновей и сколько дочерей и т.п. А о современных ему ойратах он проводит следующее скудное сведение: «В Иране и Туране было и есть множество [людей] из числа эмиров ойратского племени, однако не известно, кто какой ветви, только они между собою знают свое происхождение» [Рашид-ад-дин 1952: 120].

Подобно проведенному выше утверждению «относительно тюркских племен, которых в настоящее время называют монголами» Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани в той же главе (раздел первый) своего труда, в частности, пишет: «С течением времени эти народы (т.е. тюрки – М.С.) разделились на многочисленные роды, [да и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения и каждое по определенной причине и по поводу получило свое имя и прозвище, подобно огузам, каковой народ теперь в целом называют туркменами [туркман], они же разделяются на кипчаков, калачей, канлы’ев, карлуков и другие относящиеся к ним племена». В другом месте своей работы по этому поводу Рашид-ад-дин говорит, что «всем дядьям и родам, которые к нему присоединились, он (Огуз-хан – М.С.) дал имя уйгур, так как значение этого слова на тюркском языке – соединяться и помогать. Все племена уйгуров [происходят] от их рода. Другое племя он назвал канлы. Племена: кипчак, калач и агач-эри также происходят от того народа, который соединился с Огузом и смешался с его родом» [Рашид-ад-дин 1952: 74–75, 83].

Для завершения начатый экскурс в историю взаимоотношений в глубокой древности ойратов (калмыков) и огузов (туркмен) приведем гипотезу Г. Рамстедта, согласно которой этнонимы *ойрат* и *огуз* имеют единое происхождение и возникли в общеалтайскую эпоху [См. Соегов 2011 (III): 42–46].

Теперь вернемся к прямым потомкам Саин-хана (Хан-Батыя, Бату хана). У Абу-л-Гази Бахадур-хана читаем: *«Первым из потомков Саин-хана, который сделался мусульманином, был Узбек-хан, да будет милосердие [божие] над ним! Он скончался в городе Сарая, что на берегу реки Итиль. Его сын Джаныбек-хан воссел на троне своего отца. Туркмены, обитавшие в Ургенче и от Каргалы-Илик до самого Астрабада, были подвластны Джаныбек-хану. Хану сказали, что Балханские горы – очень хорошее место для разведения верблюдов. По этой причине хан велел тридцати семьям погонщиков верблюдов (сабан) откочевать в Балханские горы. Среди них были [люди] из всех уругов. Всем известно, что на службе у государей бывают [люди] из всех племен (тайфа); так было и у них. Один из людей Джаныбек-хана, прибыв к балханским туркменам, взял [то количество] скота, которое брали [с них] каждый год и, передав много верблюдов тем названным тридцати погонщикам верблюдов (таваджи), ушел. Они обитали на Балхане вплоть до самой смерти Джаныбек-хана. Их прозвали Теведжи»* [Кононов 1958: 77]. Здесь автор XVII века описывает историю возникновения туркменского племени дюеджи (düyeci), которая связана с периодом правления одного из потомков Саин-хана – Джаныбек-хана. Появление одного из двух больших подразделений туркмен-текинцев – тогтамыш связано с именем другого золотоордынского хана Тохтамышша, правившего в период с 1380 по 1395 гг. [См. Атаниязов 1988: 114]. Этнограф-туркменовед Г.И. Карпов, который знаменит также под псевдонимом Хошгельды Бахтиаров, в своей кандидатской диссертации, «Этнический состав туркмен», защищенной в 1942 году, на основе собранных полевых материалов, включил в понятие ‘сёйюнхановские (саинхановские) туркмены’ четыре племени, какими являются теке, салыр, сарык и емрели, проживавших в XV–XVI вв. на побережье Каспийского моря. Языковед С. Атаниязов после изложения данного факта, ссылаясь на стихотворную строку туркменского поэта-классика Сейди (XIX век), добавляет, что иногда под этническим понятием ‘сёйюнхан’ подразумевался весь туркменский народ [См. Атаниязов 1988: 107].

Со своей стороны мы можем несколько детализировать и обогатить последний взгляд, ссылаясь на данные небольшой исторической поэмы туркменского поэта XVII века Дана-ата Ихсани, которая составлена по сюжету «Огузнаме» на ново-чагатайской языковой манере. Рукопись поэмы хранится под инвентарем № 1771 в Национальном институте рукописей Академии наук Туркменистана. Она состоит из 18 строф-четырёхстишек (всего 72 строки) [См. Бекмурадов 1987: 19–23, 100]. В 14-й по счету строфе рассказывается о поражении туркмен от войск Чингисхана, которые состоялись в основном из представителей тюркоязычных народов. При этом поэт именуется тогдашних противников туркмен теми новыми названиями, которые были понятны современному ему читателю [См. Соегов 2012 (IV): 21–22]:

<i>Кюлли узбек Чингизнаме,</i>	<i>‘Все узбеки из «Чингизнаме»</i>
<i>Калмык, казак, кыргыз няме,</i>	<i>И калмыки, казахи, кыргызы – все</i>
<i>Кастымыза гелсе хеме,</i>	<i>Они выступили против нас,</i>
<i>Ёкдур анда дурганымыз.</i>	<i>И мы не смогли отстоять себя там’.</i>

Как раз перед нашествием монголов Чингисхана среди туркмен начались межплеменные распри, одному из которых посвящена 15-я строфа поэмы (вражда между акманами и караманами). В следующей 16-й строфе, по замыслу автора поэмы, кроется основная причина всех последующих неудач в жизни народа, ибо огузы-

туркмены в XII веке (может быть, будучи еще язычниками) не пренебрегали святостью великого мусульманского мистика Ходжы Ахмеда Яссави [Соегов 2012 (IV): 21–22]:

*Озюн галдын яман адга, 'Остался ты [туркмен] с плохим именем,
Омрюнги бердин бербадга, И жизнь твоя стала искалеченной,
Тёхмет кылдын Хожя Ахмедге, Потому что клеветал на Ходжа Ахмеда,
Сенсен яман гёргенимиз. Теперь ненавидим тебя (т.е. сами себя).'*

Следует отметить, что автор поэмы перед тем, как приступить к рассказу непосредственно об истории Огуз-хана и его 6 сыновей и 24 внуков, в самом начале своего произведения пишет (приводим логически совершенный текст начальной строфы, который должен соответствовать к его оригиналу):

*Огуз хандан айрымышам, 'Разлучились мы от Огуз-хана
Сёйюнханы болганымыз. И стали сёйюнхановскими.
Бир атадан яйылмышам, Распространялись от одного предка,
Ёкдур сёзде ялганымыз. Нет лжи в нашем рассказе (речи).'*

Из этого явствует, что наш автор в противовес к Чингисхану принимает его внука Саин хана (Хан-Батыя, Бату хана) в качества как бы второго родоначальника туркмен после Огуз-хана (Сравн. Адам и Ной – 'второй Адам'). И это не случайно. Ибо в составе войск Чингисхана прибыли и осели на территории современного Туркменистана и сопредельных стран многие новые туркменские племена, вместо ушедших накануне на Запад (в Турцию, Ирак и другие страны) многочисленного туркменского населения. По некоторым подсчетам, количество туркмен, переселившихся в Малую Азию накануне XIII века, доходило до 1,5 млн. человек [См. Соегов 2011 (II): 158–163]. Среди местных и вновь пришедших в Туркменистан племен было немало и таких, которые носили одно и то же название. Но они отличались друг от друга не только по своему диалекту (огузский или кипчакский), но и антропологический тип у них был разный. Об этом нетрудно убедиться, сравнив между собой современных представителей древнего огузо-туркменского племени баят, проживающих в Туркменистане и Ираке [См. Соегов 2011 (III): 42–46].

Подводя общие итоги изложенному выше, можно констатировать, что туркменский и калмыцкие народы (огузы и ойраты) наряду с другими братскими тюркскими и монгольскими народами не только имеют общее и древнее происхождение своих языков (алтайская теория), но их история часто приплеталась в средние века и последующие периоды, оставив для современных исследователей широкое поле деятельности, о чем свидетельствует проведенный неполный, предварительный анализ вопроса о саинхановских (батынхановских) туркменах.

III

Из виднейших западноевропейских ученых великий немецкий философ Иммануил Кант (1724–1804) в своем сочинении «О различных человеческих расах», написанном в 1775 году, выделяет следующие четыре расы: 1) белая раса, 2) негритянская раса, 3) гуннская (монгольская или калмыцкая) раса, 4) индусская, или индостанская, раса [Кант 1964: 448]. Называя в последующем третью из перечисленных рас непосредственно «калмыцкой», он, в частности, пишет: «Калмыцкая раса в наиболее чистом своем виде выражена, по-видимому, среди хошоутов, в известной мере среди торкотов; среди джунгаров она в сильной степени смешена, как кажется, с татарской кровью и составляет ту самую расу, которая в древнейшее времена носила имя гуннов, позднее – монголов (в широком значении), а в настоящее время – ойротов» [Кант 1964: 449]. Как видно из данной работы, татар и других тюркских народов И. Кант относил к белой расе («К первой, сосредоточенной главным образом в Европе, я

отношу еще и... тюркско-татарское племя...» [Кант 1964: 448]). В последнее время наукой установлено, что древние хунны (гунны) являются предками не только монгольских народов. Хунны (гунны) еще являются этническим ядром в происхождении современных тюркских народов. Для нас суждения И. Канта прежде всего ценны тем, что он отводит калмыкам (ойротам) центральное место среди других монгольских этносов. В этой связи следует отметить, что к такому же выводу пришли восточные авторы средневековья Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани (1247–1318) и Абу-л-Гази Бахадур-хан (1603–1664) в отношении туркменского народа при определении его место среди других родственных тюркских народов [См. Соегов 2012 (III): 281–288; Соегов 2011 (II): 158–163]. В последующем это нашло свое подтверждение в исследованиях В.В. Бартольда, А.Н. Самойловича, С.Е. Малова и других ученых.

Среди исследователей, занимавшихся конкретными вопросами калмыковедения в следующем XIX веке, особое место занимает Г. Балинт, который по поручению Венгерской Академии наук составил сборник «Западномонгольские (калмыцкие) тексты» (184 рукописных листа), записанные им же самим в Астрахани в 1871–1872 гг. у учеников калмыцкой школы при посредничестве преподавателя Шамбы и школьного врача Манжин Савгра. Сборник калмыцких текстов содержит сказки, пословицы, поговорки, благопожелания, песни и загадки, которые до сих пор не изданы. Данная рукопись Г. Балинта в настоящее время хранится в архиве Венгерской Академии наук [См. Селеева 2004].

Первое полугодие XX века в истории алтаистики, в том числе калмыковедения, можно называть периодом Владислава Людвиговича Котвича (1872 – 1944) – польского и русского ученого и Густава Йона Рамстетда (1873 – 1950) – финского ученого шведского происхождения, которые наряду с Н.Н. Поппе, Е.Д. Поливановым и Б.Я. Владимирцовым олицетворяли новый, современный этап в истории развития алтаистики. Наряду с другими серьезными работами они прославились своими «Калмыцкими загадками и пословицами» (1905, 1972), «Опытом грамматики калмыцкого разговорного языка» (1915, 1929), «Исследованием по алтайским языкам» (русский перевод, 1962) (Котвич) и «Отчетом о поездке к калмыкам в 1903 году», «Калмыцким словарем» (1935), «Введением в алтайское языкознание» (русский перевод, 1957) (Рамстетд). Хотим также констатировать, что 22 марта 2012 года исполнилось 140 лет со дня рождения В.Л. Котвича, а через полтора года, т.е. 22 октября 2013 года исполняется та же годовщина со дня рождения Г.Й. Рамстетда. Этим знаменитым событиям в жизни современной алтаистики и калмыковедения мы посвятили свою ранее опубликованную статью [См. Соегов 2012 (II)].

Источником для фактического материала по калмыцкому языку для нас служил «Калмыцко-русский словарь» (Москва, 1977), а сравнительные туркменские примеры, хотя он наш родной язык, почерпнуты (конечно же, прежде всего, их русские переводы) в основном из «Туркменско-русского словаря», изданного в Москве еще в 1968 году. Принятые условные сокращения: к. – калмыцкий язык; т. – туркменский язык. В квадратных скобках указано на произношение (орфоэпическая норма) лексем, если оно отличается от их орфографии. Все другие условности – общепринятые при составлении и использовании словарей.

Краткий калмыцко-туркменский толково-этимологический словарь на буквы а и б (Исконные слова, общие для обоих языков)

аав [аавъ] к. отец, папа – *аба [ава]* т. диал. (арсарынк.) отец, папа. Как у калмыков у туркмен-текинцев дед по отцовской линии и дед по материнской линии лексически отличаются друг от друга. Туркм. посл. *Гыссанан аял эрине аба диер* досл. 'Второпях жена может обращаться к мужу, называя его своим отцом'. Можно

предположить, что в древности данная общеалтайская лексема в виде *Абу* вошла в арабский язык. *ааһ* [ааһъ] к. пиала; чашка, чаша – *Гызылайак* т. топоним (этимол. *гызыл+айак* ‘красная, т.е. золотая чаша’), т. топоним *Акдашайак* (этимол. *аак+дааш+айак* ‘белокаменная, т.е. фарфоровая чаша’).

аак [аакъ] к. диал. (торгут.) ‘обращение к отцу или к старшему брату’ – *ага* [аага] т. ‘обращение к старшему брату или старшему родственнику’.

ааль к. увёртка, уловка, трюк – *ал* [аал] т. хитрость, уловка, ухищрение.

ааих к. приближаться, подходить близко, придвигаться – *ашмак* (*аашмак*) т. переходить, перелезть, перебираться.

ав-ав к. звукоподр. к лаю собаки – *хав-хав* т. звукоподр. к лаю собаки.

ажрһ [ажърһъ] к. жеребец – *айгыр* т. самец (лошади, осла).

актлх [актълхъ] к. кастрировать – *агталамак* т. кастрировать.

алг [альгъ] к. пёстрый, полосатый – *ала* [аала] т. пёстрый, полосатый.

алмс [альмсъ] к. (фольк.) чудовище; ведьма – *албасды* [албассы] т. (фольк.) чудовище; ведьма.

алтн [альтнъ] к. золото, золотой – *алтын* т. золото, золотой. Этимологически *ал+тин* (‘красный, т.е. золотой + металл, т.е. монета’).

альмн [альмнъ] к. яблоко – *алма* т. яблоко.

андһар к. клятва; присяга – *ант* т. клятва; присяга.

аньр к. гранат (дерево и плод) – *энар* [энаар] т. гранат (дерево и плод).

арг [аргъ] к. чистый – *артмак* [этимол. *арыг+этмек*] т. чистить. Караджаоглан (поэт XVIII века): *Ары туркмендир аслымыз* ‘Наш род (происходит) из чистокровных туркмен’.

ард [ардъ] к. сзади, позади – *арт* [аарт] т. задняя сторона (чего-либо).

арслң [арслңъ] к. лев – *арслан* т. лев.

арц к. арча, можжевельник – *арча* т. арча, можжевельник.

арчх [арчхъ] к. чистить, очистить – *арчамак* т. очищать (от грязи, травы, мусора).

Напр. арык).

ах к. (ист.) старейшина, староста – *ага* [аага] т. (уст.) господин.

аю к. медведь – *айы* т. медведь.

баав [баавъ] к. отец, папа; бабушка – *баба* [баава] т. дед (со стороны матери); бабушка (почтительное обращение к старикам).

баатр [баатър] к. богатырь, герой, силач – *батыр* [баатыр] т. богатырь, смельчак, храбрец, удалец. Этимологию этой общеизвестной лексемы мы склонны связывать с туркменским словом *бат* [баат] – размах; разлёт, скорость; сила, мощь: *батлы* [баатлы] – бурный; сильный; громкий.

багла к. связка, узел; пучек – *багла-* [баагла-] т. привязывай, завязывай.

баглх [баглхъ] к. связывать; упаковать; увязывать – *багламак* [баагламак] т. привязывать, завязывать.

багш [багшъ] к. учитель, преподаватель; наставник – *багшы* т. 1. народный певец; сказитель 2. ‘мелкое этническое подразделение в составе туркменского племени олам (потомков древних алан)’ [О туркмен-оламах см. Соегов 2011 (I): 317–329].

байжх [байжхъ] к. богатеть, обогащаться; наживаться – *байлашмак* [баайлашмак] т. богатеть, обогащаться; наживаться.

байлг [байльгъ] к. богатство, сокровище – *байлык* [баайлык] т. богатство, сокровище.

байрин [байърин] к. праздничный, торжественный – *байрам* т. праздник, торжество.

бал [балъ] к. мед; нектар – *бал* т. мед; нектар.

балһсн [балһсьнъ] к. город – *балчык* т. город (в языке древних памятников).

- балт* [балть] к. боевой топор, секира – *палта* (диал. *балта*) т. топор.
- балчр* [балчър] к. дитя, младенец, маленький ребенок – *бала* [баала] т. дитя, младенец, ребенок.
- барадх* [барадхъ] к. держаться вблизи, находиться близко – *бармак* т. идти (к чему или кому-либо), приближаться.
- барлх* [барълхъ] к. печатать, издавать – *басмак* т. давить; наступить; печатать, издавать, отпечатывать.
- барс* к. барс, леопард – *барс* т. барс, леопард.
- баимг* [баимъг] к. туфли, ботинки – *башмак* т. башмаки, обувь. От туркм. глагола *бас-* ‘наступать (ногой)’.
- бээгх* [бээгхе] к. кричать, вопить – *бэгирмек* [бээгирмек] т. реветь, кричать (от боли).
- барц* к. (уст.) подношение духовному лицу (деньгами, натурой, скотом) – *берим* т. взятка, подношение. От туркм. глагола *бер-* ‘давать, отдавать’. Погов. *Берим гөкден ёл ясар*. Дослов. ‘Давая взятки, налаживают пути-дороги по небесам’.
- беерх* [бээрхе] к. зябнуть, мёрзнуть – *буз* [бууз] т. лёд.
- бекр* [бэкер] к. осётр – *бекре* т. осётр.
- белгч* [бэлэгче] к. (уст.) гадальщик, предсказатель – *билгич* т. гадальщик, предсказатель. От туркм. глагола *бил-* знать.
- белкүсн* [бэлкүсен] к. поясница, талия – *бил* [бишл] т. поясница, талия.
- берк* [бэрке] к. трудный, тяжёлый, обременительный – *берк* т. прочный, крепкий, твёрдый.
- бетк* [бэтке] к. зоб (у птицы) – *петеке* т. зоб (у птицы).
- би* к. (мест. личн.) я – *мен* т. (мест. личн.) я (турец. *бен*, татар. *мин*).
- билцг* [билцег] к. кольцо; перстень – *билезик* т. браслет.
- бог* [богъ] к. мусор, сор – *бок* т. навоз, нечистоты.
- болд* [болъд] к. стал, стальной – *полат* [полот] т. стал, стальной.
- болх* [болхъ] к. становиться, превращаться – *болмак* т. становиться, превращаться. *боорцг* [боорцъг] к. ‘лепёшка, изжаренная на масле’ – *богурсак* т. диал. (арсарынк.) т. ‘лепёшка, изжаренная на масле’.
- боран* к. ненастье, непогода; дождь – *боран* [бораан] т. буран, пурга, метель; дождь со снегом.
- бордх* [бордхъ] к. откармливать, держать на откорме (животных) – *бордамак* [боордамак] т. диал. (оламск.) откармливать, держать на откорме (овец).
- босч* [босчъ]/*босха* к. порог (двери) – *босага* [босога] т. порог (двери).
- бөгдһр* [бөгедһер] к. сутулый, согнутый – *бүкри* т. горбатый.
- бөглх* [бөгелхе] к. затыкать, закрывать пробкой – *беклемек* т. (диал. оламск. *бөклемек*) закрывать, запирать.
- бөлг* [бөлег] к. часть; глава, раздел (книги) – *бөлек* [бөөлөк] т. кусок; отрывок; часть.
- бөөр* [бөөре] к. почка – *бөврөк* [бөврөк] т. почка.
- бөрг* [бөрег] к. мясные пельмени – *бөрөк* [бөрөк] т. пельмени.
- булг* [бульгъ] к. ключ, источник, родник – *булак* [булок] т. ключ, источник, родник. *булмг* [булмъг] к. ‘национальное кушанье калмыков – мука, смешанная с маслом, салом’ – *буламак* т. ‘болтушка из муки’. От туркм. глагола *була-* ‘размешивай, помешивай’.
- булң* [бульң] к. угол (с внутренней стороны) – *бурч* т. угол.
- буриш* [буришь] к. перец – *бурч* т. перец.
- буудя* к. зерно – *бугдай* т. пшеница.
- буур* [бууръ] к. верблюд-производитель – *бугра* т. двугорбый верблюд.

бух [*бухъ*] к. бык-производитель – *буга* т. бык-производитель.

буя к. лакричный корень (растение) – *буйан* т. солодка голая (бот.).

бугх [*бугхе*] к. прятаться, таиться, сидеть в потайном месте – *букмак* т. прятать, скрывать; прятаться.

бүдрх [*бүдрхе*] к. спотыкаться – *бүдремек* т. спотыкаться.

бүрәслх [*бүрәселхе*] к. покрывать; обивать; надевать чехол – *бүремек* т. накрывать, покрывать; накидывать.

бүргд [*бүргед*] к. беркут – *бүргут* к. беркут.

бүтн [*бүтен*] к. весь; целый; полный; исправный, без поломки – *бүтин* [*бүтүйн*] т. весь, всё; целый.

бүүрг [*бүүрег*] к. блоха – *бүре* т. блоха.

Проведенный выше краткий сравнительный словарь не представляет собой итог сплошной сверки указанного калмыцкого переводного словаря (с общим объемом 768 стр.), а является результатом беглого просмотра со стороны автора слов лишь по двум начальным буквам алфавита (стр. 17–132), и никак не может претендовать на окончательное решение вопроса о калмыцко-туркменской лексической общности в историческом аспекте, не говоря уже о подробностях таких фонетических явлений, каким является калмыцкий (монгольский) ротацизм и ламбдаизм и их соответствия в туркменском языке. Тем не менее, данный анализ может служить началом для последующих разработок по данной области, а также позволяет вслед за В.И. Кормушиным констатировать, что действительно перед алтаистикой, как отраслью сравнительно-исторического языкознания, стоят задачи последовательного, глубокого и строгого применения его традиционных и новых методик [Кормушин 1990: 28]. Именно разработка новых методик в будущем преследуется целью в выдвинутой нами гипотезе о существовании флективного периода в истории внутривидового развития тюркских языков, непосредственно предшествовавший современному агглютинативному строю [См. Соегов 2012 (II)].

Безусловно, наш краткий сравнительный словарь содержит не только исконно общие для калмыцкого и туркменского языков лексемы, но и позднейшие тюркские заимствования, вошедшие в лексикон калмыцкого языка в результате соприкосновения их носителей друг с другом в разные исторические эпохи. Не исключен также обратный процесс, когда в туркменский (огузский) язык проникали калмыцизмы (ойратизмы) в ранние периоды, а в последующем – в эпоху Чингисхана. Но все эти позднейшие заимствования никак не могут приводить к отрицанию факта существования древнейшего общеалтайского лексического пласта в туркменском и калмыцком языках. В самом конце укажем, что на основе анализа фактического материала, изложенного в последних двух частях данной работы, автором ранее были подготовлены и изданы две самостоятельные журнальные статьи [См. Соегов 2012 (I); Соегов 2012 (V)], а третья статья по данной тематике, написанная на материале ее первой части, в настоящее время также готовится к печати на страницах уже другого научного журнала.

Литература

АТАНИЯЗОВ С. Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад, 1988.

БЕКМУРАДОВ А. Андалиб и традиция Огузнаме. Ашхабад, 1987 (на туркменском языке)

БОЙЛ Э. Дж. Посмертный титул Бату-хана // Татарский мир, 2004, № 12.

Гарынжа ве кепдери // Туркмен халк эртекилери. 3 томлук. 1 том. Хайванлар хакындакы эртекилер. Ашгабат, 1978.

КАНТ И. Сочинения в шести томах. Том 2. М., 1964.

- КОНОНОВ А.Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази [Бахадур-хана] хана хивинского. М.-Л., 1958.
- КОРМУШИН И.В. Алтайские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В.Н. Ярцева. М., 1990.
- Рашид-ад-дин [Фазлуллах Хамадани]. Сборник летописей [Джами' ат-таварих]. Т. I. Книга первая. Перевод с персидского Л.А. Хетагурова. М.-Л., 1952.
- СЕЛЕЕВА Ц.Б. К истории собирания и публикации калмыцких народных загадок // Монголоведение, № 3. Сборник научных трудов. Элиста, 2004. Цитируется по сайту в Интернете: <http://kalmyk.info/index.php/ru/menu-cultural/10-traditions/121-istoriay-sobiraniya-kalm-zagadok> (03.09.2012)
- СОЕГОВ М. Еще раз о статье, посвященной «исчезнувшим» аланам // *Türkmen ylmy Galkynyş we halkara gatnaşyklar ýolunda (Ylmy makalalar ýygynyndysy – 2011-1)*. Аşgabat, 2011. (I)
- СОЕГОВ М. Калмыцко-туркменская лексическая общность: древнейший пласт или позднейшие заимствования? (В связи с 140-летием со дня рождения В.Л. Котвича и Г.И. Рамстетда – знаменитых алтаистов) // Вестник Калмыцкого университета, № 4 (16). Элиста, 2012. (I)
- СОЕГОВ М. О двухкрылой системе управления государством хазарскими правителями в Итиле (Астрахань) и ее древних тюрко-огузских корнях // Гуманитарные исследования, № 1 (41). Астрахань, 2012. (II)
- СОЕГОВ М. О вероятности существования флективного периода в истории внутривидового развития туркменского языка // Язык и культура. Научный интернет журнал Центра исследования лингвокультурологии и переводоведения Философского факультета Прешовского университета, № 12. Прешова, 2012. (III)
- СОЕГОВ М. Родственные узы тюрков в истории и фольклоре // Вопросы тюркологии, № 7. Махачкала, 2011. (II)
- СОЕГОВ М. Если вести речь о баятах и Киркуке // Кардешлик (Братство), № 263 – 264. Багдад, 2011. (на турецком языке) (III)
- СОЕГОВ М. Огузнаме в форме чагатайского стиха // Кардешлик (Братство), № 275 – 276. Багдад, 2012. (на турецком языке) (IV)
- СОЕГОВ М. Саинхановские (Батынхановские) туркмены: к постановке вопроса, его истории и предыстории (по данным разных списков «Огузнаме» и некоторых других источников) // Вестник Калмыцкого университета, № 3 (15). Элиста, 2012. (V)

Abstract

This article completes the work, consisting of three parts, the first of which (previously published) were analyzed texts of individual Korean and Turkmen fairy tales to identify their inherent common themes. The second and third part of it devoted to a comparative study of the historical and linguistic material related to the carriers of the Kalmyk and Turkmen. In all three parts of the work has a single purpose - from the standpoint of the existing theory of the Altaic family of languages to cover possible new aspects and analyze some of the materials that are "distant" from each other Altaic languages, and not previously considered seriously, not only specialists altaists but as "anti-altaists" to confirm or deny the existing theory. This then is the second article covers the remaining two parts of the work.